

Владимир Михайлович Черносвитов

Священный союз



Владимир Черносвитов

Священный союз

«Public Domain»

Черносвитов В. М.

Священный союз / В. М. Черносвитов — «Public Domain»,

Содержание

Священный союз	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

В. Черносивов

Священный союз

Глубокой ночью в радиохаосе эфира советские связисты-«слухачи» поймали коротенькую кодированную радиogramму. Истинное содержание радиogramмы оставалось неизвестным, так же, как и то, что принята она была в Белграде и немедленно вручена некоему лицу, которое ещё за полчаса до её поступления беспокойно поглядывало на часы и, барабанив пальцами по столу, ожидало радиодепешу. Лицо это держалось в тени и будто бы в стороне от великих событий войны, но в действительности являлось немаловажной и влиятельной персоной.

Получив радиogramму, человек удовлетворённо вздохнул, усмехнулся и нажал незримые кнопки управления тайной организацией отнюдь не демократического направления. В результате этого советское командование получило дипломатически-почтительную претензию по поводу возмутительного происшествия в только что освобождённом советскими войсками югославском городке.

А случай действительно из ряда вон выходящий.

Город был взят обходным манёвром, части Советской Армии вошли в него без боя. Война пощадила жилые дома, улицы, сады и весёлый бульвар: просто фашисты не успели разрушить и сжечь всё это.

Город ликовал. Его обитатели запрудили улицы, восторженно встречая армию-освободительницу.

Люди ещё помнили вступление в их городок фашистских полчищ – завывание флейт, рябь штандартов и гусиный марш детоубийц со свастикой на рукавах.

Советские войска входили без шумихи и помпы. Они шли мерным, спокойным и мощным шагом. В таких же, как у солдат, походных, опалённых в боях гимнастёрках, офицеры вели свои подразделения. Солдаты шли радостные, гордые, но лица их не скрывали ни усталости, ни тяжести пережитого. Ничего яркого, кричащего, помпезного. Оружие, боевые ордена да белые бинты раненых. Это шли герои, труженики войны.

Их целовали, они пожимали сотни протянутых рук, брали на руки детей, и счастливые матери смеялись от радости. Офицеры и солдаты несли охапки подаренных им цветов.

Генерал приказал расчехлить знамя. В лучах заходящего солнца оно вспыхнуло заревом боёв и кровью погибших воинов.

Так входили в югославский городок советские войска.

Наконец части, предназначенные на отдых в этом местечке, расквартировались.

Со всех сторон только и слышалось: русский солдат... товарищ... коммунист... советский человек...

Казалось, в городе не найдётся человека, который не был бы искренне счастлив освобождением от фашизма. Но настал вечер и...

* * *

– Тубо, Ральф, иси!.. Сильвупле, мон шер!

Дог послушно вернулся к ногам хозяина и только глухо ворчал, пока тот вежливо пропускать гостя вперёд.

– Что это вы, даже с псом стали изъясняться по-французски? – насмешливо спросил гость.

– Время такое: на немецком не заговоришь, да и английский у нас не очень жалуют. «Бережёного и бог бережёт» – есть у русских такая пословица...

– Да, но они больше придерживаются другой пословицы: «На бога надейся, а сам не плошай». Зажгите свет.

Хозяин затворил дверь, вынул из замка ключ и, задёрнув наглухо портьеры, повернул выключатель. Гость снял потрёпанную шляпу, такой же засаленный пыльник и оказался элегантным молодым брюнетом с классическим пробором над виском.

– Приехал? Здесь? – отрывисто поинтересовался он у хозяина.

– Здесь. Сейчас приведу.

Хозяин вышел из комнаты. Было слышно, как ступени какой-то лестницы, ведущей, вероятно, на мансарду, закрипели под тяжестью его низкорослой, но объёмистой фигуры.

Гость внимательно оглядел комнату, мягкую, обитую дорогим штофом мебель, роскошный, резной работы, письменный стол, хрустальные электроканделябры и библиотеку, занимавшую две стены.

– Рекомендую... – вернувшись в кабинет, представил хозяин гостю своего спутника, молодого человека в костюме «гольф».

– Вы беседовали с Беларковичем лично? – спросил гость молодого человека.

– Нет, – ответил тот. – Путь был трудным. Я опоздал на один день. Во вторник он передал всё через Джорджа, который был у него.

– Мне, как здешнему уроженцу и гражданину, дано указание работать по пропаганде и агитации, для чего использовать вас, так сказать, в порядке обмена опытом...

– Хватит! – хлопнул ладонью о подлокотник кресла брюнет. – Ещё ни чёрта не сделали, а уже говорите об опыте. Самонадеянности много! Так вот: работать вы будете с нами, на нас и под моим началом. Да-да, оба! – повернулся он, отвечая на удивлённый жест хозяина. – Хватит вам быть пассивным резидентом. И не пытайтесь влиять! Ваши наци свою роль сыграли. Теперь на сцену выходим мы. Итак, этого долгопалого вы уже подготовили? – уже мягче спросил он хозяина.

– Конечно. Это ж была моя идея, – обиделся хозяин.

– Не спорю. Но её осуществление проведу лично я...

Ночью, в половине третьего, в маленький домик сторожа, примыкавший к церкви, постучали – громко, настойчиво. Сторож проснулся и подошёл к двери, наспех натянув брюки и; шлёпая туфлями.

– Кто?

– Откройте, – спокойно и властно отозвались из-за двери, – патруль.

За дверью стоял человек, одетый в форму русского офицера. Чуть сзади было ещё четверо. В темноте ночи на плечах стучавшего тускло блеснули две звёздочки.

– Сейчас, сейчас, пожалуйста! – засуетился сторож, щёлкая задвижкой и ключом. – Пожалуйста, заходите.

Патрульные вошли. Офицер оказался высоким, широким в плечах человеком лет тридцати. Один из солдат был такого же роста, что и лейтенант. Левая щека у этого солдата белела свежей марлевой повязкой – наклейкой, которая и привлекла внимание сторожа. Солдат почему-то часто стискивал зубы, отчего на его щеках вздувались желваки.

– Кто здесь живёт? – спросил лейтенант.

– Я и дочь. Двое нас только и есть. Вот здесь мой угол, там – дочери.

Лейтенант распахнул занавеску – на кровати крепко спала девушка лет семнадцати.

– Кто сейчас находится в церкви? – строго спросил он старика, задёрнув занавеску.

– Никого, господин лейтенант. Кому ж там быть ночью – церковь-то заперта.

– Никого? А сигналы фонариком кто с колокольни подаёт?

Сторож оторопел.

– Сигналы?.. Да как же это... Господи, спаси и помилуй! Не должно это... нет там никого... сам запираю, – растерянно бормотал старик.

– Ладно, ладно. Сейчас посмотрим... А ну, забирай ключи – и марш в церковь!

Страшно испуганный, сторож первый выбежал из дома.

– Пресвятая богородица! Да как же это... да кому ж там быть? – причитал он на ходу.

– Тише! Молчи! – строгим шёпотом одёрнул старика солдат.

По-хозяйски смазанный сторожем, замок мягко щёлкнул – раз, два. В притворе было темно. В зале у чудотворной иконы чуть мерцала лампада. По аскетическим ликам святых бродили тени. Сильно пахло ладаном и воском.

Небрежно осмотрев колокольню и вернувшись в притвор, солдаты увидели ещё две двери?

– А это куда?

Сторож объяснил, что одна дверь ведёт в кладовую, а другая – в подвал.

– Идите туда, – приказал лейтенант высокому солдату.

В подвале было тепло и душно. Патрульные остановились у одной двери – тяжёлой и прочной.

– Что здесь? – спросил высокий.

– Да тоже вроде кладовой. Тут раньше ценности хранили.

– А ну, открой!

Сторож послушно отодвинул щеколду. Дверь скрипнула, и в лицо пахнуло запахом непроветриваемого и запущенного помещения. Маленькая сводчатая конурка была пуста. Сторож хотел уже повернуться, но, получив толчок в спину, очутился у противоположной стены.

Дверь сзади захлопнулась, и всё стихло...

Когда сторожа из кладовки привели наверх, он не поверил своим глазам: в несколько минут церковь была ограблена и изгажена до неузнаваемости.

Длинными чёрными решётками лежали на полу тени оконных переплётов. В лунном свете лица солдат были мертвенно-бледными. Лейтенант связывал серебро и золото в церковные скатерти.

Выйдя из оцепенения, сторож вдруг ринулся на солдат. Кулак прошёл вскользь по щеке высокого и сорвал наклейку на его щеке. «Звери!» – хотел закричать сторож, но искусный и сильный удар ошеломил его.

Старик очнулся от холода. Полураздетый, он был привязан к плащанице. Противно отдавала потом пилотка, засунутая до тошноты глубоко в рот.

Резко пахнуло табачным дымом. Грабители сидели близ окна и, тихонько переговариваясь, курили.

Сторож застонал. Лейтенант обернулся и деловито предложил солдату:

– Петров! Дай ему ещё раз, чтоб не мычал.

Долговязый с сорванной наклейкой подошёл к сторожу и ударил его по голове.

Решётчатая тень на полу сгустилась, – большая иссиня-чёрная туча заслонила луну.

– Пошли! – скомандовал лейтенант.

Чуть присвечивая синим огоньком фонарика, грабители быстро разобрали узлы и двинулись к выходу.

– Счастливо оставаться, папаша! – галантно распрощался лейтенант со сторожем. – Смотри, не простудись...

На башне ратуши часы пробили половину четвёртого. С шести часов утра разрешалось хождение по городу. Одиннадцать минут седьмого в комендатуру явился запыхавшийся гражданин Шабец.

– Что случилось? – спросил его комендант.

– Не знаю. Иду я сейчас на базар. Прохожу близ церкви, встречаю племянника. Вдруг слышу – стонет кто-то: тихо, тихо стонет. Прислушался – из церкви! Я своего племянника оставил на том месте следить, а сам дальше уже не пошёл, а повернулся да бегом к вам, сюда...

– Ну, и правильно. Благодарю вас.

В шесть часов шестнадцать минут лимузин коменданта, грузовик с автоматчиками и санитарная машина резко затормозили у церкви. Следом прибежал племянник, которому дядя сделал знак рукой, проезжая мимо в машине коменданта.

У ограды на улице уже стояло несколько человек.

– Никто не входил? – спросил комендант.

– Нет, нет, – ответили одновременно племянник и кто-то из любопытствующих.

Выпрыгнув из кузова машины, солдаты быстро оцепили церковь.

Комендант с дежурным офицером и четырьмя бойцами поднялся на ступеньки. Из церкви действительно доносился сдавленный крик. Дежурный потянул за большую медную ручку двери – она неожиданно легко подалась и открылась.

– Кто здесь, – выходи! – подал он команду в гулкую пустоту церкви.

Ответом ему был только более явственный крик.

Вынув пистолет, дежурный офицер быстро вошёл внутрь и резко принял влево, чтобы не выделяться на светлом фоне раскрытой двери. Следом за ним юркнул солдат и принял вправо. Вошли остальные.

– Опоздали, – осмотревшись, сказал комендант. – Куда? Стой! – вдруг одёрнул он солдата, шагнувшего вперёд.

– Вы ранены? – крикнул он человеку, видневшемуся на плащанице. Тот отрицательно мотнул головой.

Комендант повернулся к солдату.

– Тут и без наших следов Сидоренко работы хватит. Давайте живо дрова и доски. Бегом, марш!

По доскам, положенным на поленья, добрались до плащаницы и вынесли сторожа. Он был в полубессознательном состоянии.

– Недостаток доступа воздуха, – констатировал врач, вытаскивая кляп. – Ещё бы минут двадцать-тридцать, и дело могло кончиться плохо.

Сторожа увезли в госпиталь. Следом уехал и комендант, оставив автоматчиков для охраны места, где было совершено преступление.

«Ночью советскими солдатами во главе с лейтенантом ограблена та самая церковь, которая колокольным звоном и молебном встретила русские войска! Грабители кощунственно надругались над святостью храма и издевались над церковным сторожем!» – как-то подозрительно быстро разнеслась по городу эта зловещая молва.

Жители были поражены. Многие не верили, бежали к церкви – она была уже оцеплена. «Ну, что скажете! Смотрите. Вот вам и большевички!...» – ехидно хихикали в толпе.

В личном кабинете сбежавшего владельца особняка «люкс», в котором разместился политотдел, на своей излюбленной позиции – у окна – стоял полковник Гаркуша. Сбоку от него, в глубине огромного кожаного кресла, поблескивало пенсне полковника Серебрякова. Оба офицера слушали необычного гостя, сидевшего на краешке кресла для посетителей.

Маленький седенький священник, тряся бородкой и шурша рясой, говорил жиденьким, дрожащим от волнения тенорком, переводя скорбный взгляд с Гаркуши на Серебрякова и обратно.

– Великое прегрешение и святотатство сие верующих и неверующих в изумление привели несказанное. Грех-то, грех-то какой, господи помилуй, люди сотворящи! И кто? Воины земли русской, на коих народ взоры свои, яко на святую хоругвь, устремлял, елей души своей

и христианской любви изливал безмерно. Ох, тяжело сие!.. Храм опоганили, ограбили, церковнослужителя в голом виде к святой плащанице привязали, надругались с бесстыдством и жестокостью... Братья по крови, христиане! – тут священник заморгал скорбными глазками и, всхлипнув, полез за платком. – Вот к чему неверие приводит!..

– Спокойнее, – посоветовал священнику Серебряков. – Поступок, конечно, безобразный, и мы сурово накажем виновных, но... излиянием возмущения вы делу не поможете. Расскажите лучше, что вам известно о преступлении: может быть, кто-нибудь обращался к вам перед этим и вызвал подозрение своими вопросами? Вы меня понимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.